

Джордж и Ястреб".

- Я хочу, чтобы вы ко мне заглянули, - сказал Боб Сойер.

- Ничто не может мне доставить большего удовольствия, - ответил мистер Пиквик.

- Вот моя квартира, - сказал мистер Боб Сойер, доставая визитную карточку, - Лент-стрит, Боро; это, знаете ли, для меня удобно, близко от Гайя *. Когда вы пройдете мимо церкви Сент-Джорджа, сверните с Хай-стрит направо, первая улица.

- Я найду, - отозвался мистер Пиквик.

- Приходите в четверг вечером через две недели и приводите своих приятелей, - сказал мистер Боб Сойер. У меня соберется несколько товарищей медиков.

Мистер Пиквик заявил, что ему доставит удовольствие встреча с медиками, и, после того как мистер Боб Сойер уведомил его, что он намерен очень приятно провести время и что его друг Бен тоже придет, они пожали друг другу руки и расстались.

Мы чувствуем, что в этом месте нам могут задать вопрос, нашептывал ли что-нибудь мистер Уинкль Арабелле Эллен во время этого краткого разговора, и если да, то что он сказал, и далее, беседовал ли мистер Снодграсс конфиденциально с Эмили Уордль, и если да, то что сказал он. На это мы отвечаем, что, о чем бы они ни говорили с леди, они ровно ничего не сказали мистеру Пиквику или мистеру Тапмену на протяжении двадцати восьми миль и что они часто вздыхали, отказываясь от эля и бренди и вид у них был мрачный. Если наши наблюдательные читательницы могут вывести какие-либо заключения из этих фактов, мы просим их сделать эти выводы во что бы то ни стало.

ГЛАВА XXXI

которая целиком посвящена юриспруденции и различным великим знатокам, ее изучившим

В разных углах и закоулках Темпля разбросаны темные и грязные комнаты, где во время судебных вакаций можно видеть в течение целого утра, - а во время сессий также и до вечера, - почти непрерывный поток адвокатских клерков, входящих и выходящих со связками бумаг, торчащими под мышкой и из карманов. Есть несколько рангов адвокатских клерков. Есть клерк-учащийся, который платит за ученье и сам станет когда-нибудь поверенным, который имеет открытый счет у портного, получает приглашения на вечеринки, знаком с одним семейством на Гауэр-стрит и с другим на Тэвисток-сквер; который уезжает из города на каникулы повидаться с отцом, имеющим всегда наготове лошадей; этот клерк является, короче говоря, аристократом среди клерков. Есть клерк на жалованье, - живущий или приходящий, как случится, - который тратит большую часть своих тридцати шиллингов в неделю на свои прихоти, ходит за полцены в театр Эдельфи * по крайней мере три раза в неделю, величественно развлекается после этого в погребках, где торгуют сидром, и является скверной карикатурой на моду, выдохшуюся полгода назад. Есть клерк-писец средних лет с большой семьей, всегда оборванный и часто пьяный. И есть конторские мальчишки, впервые надевшие сюртуки, которые питают надлежащее презрение, к школьникам и, расходясь вечером по домам, угощаются в складчину копченой колбасой и портером, полагая, что это и есть "жизнь". Есть другие разновидности, слишком многочисленные, чтобы их перечислять, но, как бы многочисленны они ни были, всех этих клерков можно увидеть в определенные служебные часы, когда они торопливо входят в только что упомянутые места или покидают их.

В этих изолированных уголках помещаются официальные конторы адвокатов, где выдают судебные приказы, заверяют судебные решения, подшивают жалобы истцов и приводят в действие многие другие хитроумные приспособления, изобретенные для мук и терзаний подданных его величества и для утешения и обогащения служителей закона. В большинстве случаев это низкие, затхлые комнаты, где бесчисленные свитки пергамента, которые прели под спудом в течение прошлого века, распространяют приятный аромат, смешивающийся в дневное время с запахом тления, а в ночное - с различными испарениями, какие исходят от сырых плащей, мокрых зонтов и дрянных салньных свечей.

Вечером, около половины восьмого, дней через десять или недели через две после возвращения мистера Пиквика и его друзей в Лондон, в одну из этих контор торопливо вошел человек в коричневом сюртуке с медными пуговицами. Концы его длинных волос были старательно закручены вверх и цеплялись за края потертой шляпы, а запачканные темно-серые панталоны так туго натянuty на блюхеровские башмаки, что колени его грозили каждый момент вырваться наружу. Он извлек из кармана сюртука длинную и узкую полосу пергамента, на которой дежурный чиновник поставил неразборчивый черный штемпель. Потом он вытащил четыре листка бумаги того же размера, составлявшие печатные копии пергамента с пробелами для фамилий, и, заполнив пробелы, спрятал все пять документов в карман и торопливо вышел.

Человек в коричневом сюртуке с каббалистическими документами в кармане был не кто иной, как наш старый знакомый - мистер Джексон из конторы Додсона и Фогга, Фрименс-Корт, Корнхилл.

Однако, вместо того чтобы вернуться в контору, откуда он пришел, он направил свои стопы к Сан-Корту и, войдя в гостиницу "Джордж и Ястреб", пожелал узнать, дома ли некий мистер Пиквик.

- Позовите слугу мистера Пиквика, Том, - сказала буфетчица "Джорджа и Ястреба".

- Не трудитесь, - сказал мистер Джексон, - я пришел по делу. Если вы мне покажете комнату мистера Пиквика, я и один дойду.

- Ваша фамилия, сэр? - спросил лакей.

- Джексон, - ответил клерк.

Лакей поднялся вверх, чтобы доложить о мистере Джеконе, но мистер Джексон избавил его от труда, последовав за ним по пятам и войдя в комнату раньше, чем тот успел издать членораздельный звук.

В этот день мистер Пиквик пригласил своих трех друзей к обеду. Все сидели у камина и пили вино, когда мистер Джексон появился, как было описано выше.

- Здравствуйте, сэр, - сказал мистер Джексон, кивая мистеру Пиквику.

Сей джентльмен поклонился и казался слегка изумленным, ибо физиономии мистера Джексона он не помнил.

- Я от Додсона и Фогга, - сказал мистер Джексон в виде пояснения.

Мистер Пиквик встрепенулся при этом имени.

- Обратитесь к моему поверенному, сэр, мистеру Перкеру в Грейз-Инне, сказал он. - Проводите этого джентльмена, - обратился он к лакею.

- Прошу прощения, мистер Пиквик, - сказал Джексон, спокойно кладя шляпу на пол и доставая из кармана кусок пергамента, - но в таких случаях вручение через клерка или агента... вы понимаете, мистер Пиквик?... Простая предосторожность, сэр, в соблюдении юридических форм. - Тут мистер Джексон бросил взгляд на пергамент и, положив руки на стол и озираясь с приятной и вкрадчивой улыбкой, сказал:- Послушайте, не будем спорить из-за такого пустяка. Джентльмены, кто из вас Снодграсс?

При этом вопросе мистер Снодграсс вздрогнул так заметно, что другого ответа не потребовалось.

- А-а-а... я так и думал, - сказал Джексон еще любезнее. - Мне придется

слежка обеспокоить вас, сэр.

- Меня?! - воскликнул мистер Снодграсс.

- Это только повестка по делу Бардл против Пиквика со стороны истицы, ответил Джексон, выбирая один из листов бумаги и доставая из жилетного кармана шиллинг. - Дело будет слушаться в самом начале сессии, четырнадцатого февраля, по нашему предположению. Мы признали это дело подлежащим специальному юри *, и в списке значится только десять присяжных. Это вам, мистер Снодграсс.

С этими словами Джексон показал пергамент мистеру Снодграссу и сунул ему в руку бумажку и шиллинг.

Мистер Тапмен следил за этой процедурой в безмолвном удивлении, как вдруг Джексон повернулся к нему и сказал:

- Если я не ошибаюсь, ваша фамилия Тапмен?

Мистер Тапмен взглянул на мистера Пиквика, но, не усмотрев в широко раскрытых глазах сега джентльмена совета отречься от своего имени, ответил:

- Да, моя фамилия Тапмен, сэр.

- Полагаю, вот этот другой джентльмен - мистер Уинкль? - сказал Джексон.

Мистер Уинкль пробормотал утвердительный ответ, и оба джентльмена немедленно получили от проворного мистера Джексона по листу бумаги и по шиллингу.

- Боюсь, - сказал Джексон, - что вы меня сочтете довольно надоедливым, но мне нужен еще кое-кто. У меня здесь значится имя Сэмюэла Уэллера, мистер Пиквик.

- Пошлите сюда моего слугу, - сказал мистер Пиквик лакею.

Лакей удалился, чрезвычайно удивленный, а мистер Пиквик предложил Джексону присесть.

Наступило тягостное молчание, которое в конце концов было нарушено ни в чем не повинным ответчиком.

- Полагаю, сэр, - сказал мистер Пиквик с негодованием, возраставшим по мере того, как он говорил, - полагаю, сэр, что намерения ваших патронов заключаются в том, чтобы попытаться меня обвинить на основании показаний моих же собственных друзей?

Мистер Джексон несколько раз похлопал указательным пальцем по левой стороне своего носа, давая понять, что здесь он находится не для того, чтобы открывать тайны тюремного двора, и шуточно ответить:

- Не знаю. Не могу сказать.

- Для чего же, сэр, - продолжал мистер Пиквик, - если не для этой цели, были вручены им эти повестки?

- Прекрасная уловка, мистер Пиквик, - отозвался Джексон, медленно покачивая головой, - но она ни к чему не приведет. Попробуйте, беды в этом нет, но из меня мало удастся вытянуть.

Тут мистер Джексон снова улыбнулся присутствующим и, приставив большой палец левой руки к кончику носа, правой рукой привел в движение воображаемую кофейную мельницу, показав таким образом изысканную пантомиму (в те времена очень популярную, но теперь, к сожалению, устаревшую), смысл коей был таков: "Меня не надуешь".

- Нет, мистер Пиквик, - сказал в заключение Джексон, - пусть у Перкера поломают головы над тем, для чего мы вручили эти повестки. Если не угадают, пусть подождут суда и тогда узнают.

Мистер Пиквик бросил на непрошеного гостя взгляд, выражавший крайнее омерзение, и, можно думать, обрушил бы страшные проклятья на голову мистера Додсона и Фогга, если бы в этот момент его не остановило появление Сэма.

- Сэмюэл Уэллер? - вопросительным тоном сказал мистер Джексон.

- Самые правдивые слова, какие вы произнесли за много лет, - ответил Сэм с величайшим спокойствием.

- Вот вам повестка, мистер Уэллер, - сказал Джексон.

- Что это значит? - осведомился Сэм.

- Вот оригинал, - продолжал Джексон, уклоняясь от требуемого объяснения.

- Где? - спросил Сэм.

- Вот! - ответил Джексон, потрясая пергаментом.

- О, так это оригинал? - сказал Сэм. - Ну, я очень рад, что видел оригинал, потому что это очень приятное зрелище, которое веселит душу человека.

- А вот шиллинг, - продолжал Джексон. - Это от Додсона и Фогга.

- Как мило со стороны Додсона и Фогга, которые так мало меня знают, а преподносят подарок! - сказал Сэм. - Иначе не могу рассматривать как большую любезность, сэр. Очень похвально, что они умеют вознаграждать добродетель, где бы ее ни повстречали. И вдобавок от этого можно растрогаться.

С этими словами мистер Уэллер слегка потер рукавом куртки веко правого глаза, следуя весьма похвальной манере актеров, изображающих семейные патетические сцены.

Мистер Джексон был как будто сбит с толку поведением Сэма, но так как повестку он вручил и больше ничего не имел сказать, то сделал вид, будто надевает единственную перчатку, которую обычно носил в руке ради соблюдения приличий, и вернулся в контору доложить о ходе дела.

В ту ночь мистер Пиквик спал плохо. Ему все время вспоминалось весьма неприятное дело миссис Бардл. На следующее, утро он позавтракал очень рано и, предложив Сэму сопроводить его, отправился к Грейз-Инсквер.

- Сэм, - оглядываясь, сказал мистер Пиквик, когда они дошли до конца Чипсайда.

- Сэр? - отозвался Сэм, подходя к своему хозяину.

- Куда идти?

- По Ньюгет-стрит.

Мистер Пиквик продолжал путь не сразу - он в течение нескольких секунд смотрел рассеянно в лицо Сэму и испустил глубокий вздох.

- Что случилось, сэр? - осведомился Сэм.

- Сэм, полагают, что это дело будет разбираться четырнадцатого числа будущего месяца, - произнес мистер Пиквик.

- Замечательное совпадение, сэр, - отозвался Сэм.

- Чем оно замечательно, Сэм? - полюбопытствовал мистер Пиквик.

- Валентинов день *, сэр, - отвечал Сэм. - Весьма . удачный день, день разбора дела о нарушении брачного обещания.

Улыбка мистера Уэллера не вызвала проблемка веселья на физиономии его хозяина. Мистер Пиквик круто повернул и продолжал путь молча.

Они прошли несколько десятков шагов. Мистер Пиквик трусил впереди, погруженный в глубокие размышления, а сзади, изображая на своей физиономии самое завидное и непринужденное пренебрежение ко всем и ко всему, следовал Сэм, как вдруг этот последний, всегда стремясь поделиться с своим хозяином исключительными познаниями, ускорил шаг, пока не очутился за спиной мистера Пиквика, и, указывая на дом, мимо которого они проходили, сказал:

- Очень недурная колбасная, сэр.

- Да, кажется, - отозвался мистер Пиквик.

- Знаменитая фабрика сосисок, - добавил Сэм.

- Вот как? - сказал мистер Пиквик.

- Вот как! - с некоторым негодованием повторил Сэм. - Ну еще бы не так! Да благословит бог вашу невинную голову, сэр: ведь здесь четыре года назад произошло таинственное исчезновение почтенного торговца.

- Неужели вы хотите сказать, что с ним расправились по способу Берка? * - воскликнул мистер Пиквик, поспешно оглядываясь.

- Нет, не хочу, сэр, - ответил мистер Уэллер. Хотя это было бы лучше.

Но тут дело посерьезнее. Он был хозяином этой вот лавки, сэр, и избрал патентованную паровую машину для непрерывного изготовления сосисок. Ну так вот, эта самая машина проглотила бы и булыжник, положи вы его близко, и перемолола бы в сосиски, как нежного младенца. Естественно, он гордился машиной и, бывало, простаивал в погребе, глядя на нее, когда она работала, пока не впадал от радости в меланхолию. Очень счастливым человеком был бы он, сэр, имея эту вот машину да еще двух милых малюток в придачу, не будь у него жены, самой злоющей ведьмы. Она всегда ходила за ним по пятам и жужжала ему в уши, пока, наконец, он не выбился из сил. "Я тебе вот что скажу, моя милая, - говорит он, - если ты будешь упорствовать в этом вот развлечении, будь я проклят, если не уеду в Америку, и конец делу". - "Ты лентяй, говорит она, - поздравляю американцев с такой находкой". После этого она ругается еще с полчаса, а потом бежит в маленькую комнату позади лавки, принимается визжать, говорит, что он ее в гроб вгонит, и устраивает припадок, который продолжается добрых три часа, и все эти три часа она визжит и брыкается. Ну, а на следующее утро муж пропал. Ничего из кассы он не взял и даже пальто не надел - стало быть, ясно, что не в Америку поехал. Не вернулся на следующий день, не вернулся через неделю. Хозяйка напечатала объявление - если, говорит, вернется, она все простит (и очень это было великодушно, потому что он ничего плохого не сделал). Обыскали все каналы, и с тех пор в течение двух месяцев, как только окажется где мертвое тело, регулярно тащат его прямехонько в колбасную лавку. Но ни одно не подошло. Тогда распустили слух, что он сбегал, и она стала сама вести дело. Как-то в субботний вечер входит в лавку маленький худенький старый джентльмен в большом волнении и говорит ей: "Вы хозяйка этой лавки?" - "Да, говорит, я". - "Так вот, сударыня, - говорит он, - я пришел сказать, что ни я, ни моя семья не желаем подавиться с тою ни с сего. И это, говорит, еще не все, сударыня: разрешите мне сказать, что поскольку вы для производства сосисок не пользуетесь мясом первого сорта, то, думаю, вы согласитесь, что оно должно обходиться вам почти так же дешево, как и пуговицы". "Какие пуговицы, сэр?" - говорит она. "Пуговицы, сударыня, - говорит маленький старый джентльмен, развертывая ключок бумаги и показывая два-три десятка пуговичных обломков. - Славная приправа к сосискам - брючные пуговицы, сударыня!" "Это пуговицы моего мужа!" - говорит вдова, собираясь лишиться чувств. "Как!" - взвизгивает маленький старый джентльмен, сильно побледнев. "Теперь я все понимаю, - говорит вдова. - В припадке временного умопомешательства он сгоряча превратил себя в сосиски". Так оно и было, сэр, - добавил мистер Уэллер, глядя пристально в лицо устрешенному мистеру Пиквику, - а может быть, его втянуло в машину; но так или иначе, а маленький старый Джентльмен, который всю жизнь питал удивительное пристрастие к сосискам, выбежал из лавки, как сумасшедший, и с той поры никто о нем не слышал.

Конец рассказа о трогательном происшествии в семейной жизни застал хозяйина и слугу у двери мистера Перкера. - Лаутен, приоткрыв дверь, беседовал с жалким на вид человеком в порывшемся костюме, в продранных башмаках и перчатках. Нужда и страдания - чуть ли не отчаяние - оставили следы на его худой и изможденной физиономии. Он стыдился своей бедности, ибо, когда подошел мистер Пиквик, отступил в темный угол.

- Очень печально, - со вздохом сказал незнакомец.
- Очень, - отозвался Лаутен, нацарапав свою фамилию пером на дверном косяке и стирая ее другим концом пера. - Может быть, передать ему что-нибудь?

- Как вы думаете, когда он вернется? - осведомился незнакомец.
- Понятия не имею, - ответил Лаутен, подмигнув мистеру Пиквику, когда незнакомец опустил глаза.

- Вы не думаете, что имело бы смысл его подождать? - спросил незнакомец, задумчиво заглядывая в контору.

- О нет, конечно нет! - отозвался клерк, слегка заслонив собой дверь. Он, разумеется, не вернется на этой неделе, и неизвестно, вернется ли на будущей, ибо, если Перкер уезжает из города, он никогда не торопится вернуться.

- Уехал из города! - воскликнул мистер Пиквик. Боже мой, какая неудача!
- Не уходите, мистер Пиквик, - сказал Лаутен. У меня есть письмо для вас.

Незнакомец, по-видимому, не знал, что делать. Он снова опустил глаза, а клерк хитро подмигнул мистеру Пиквику, словно давая понять, что происходит нечто весьма забавное, хотя в чем тут дело - мистер Пиквик не мог угадать ни за какие блага.

- Войдите, мистер Пиквик, - сказал Лаутен. - Ну-с, мистер Уотти, вы передадите мне все, что имеете сказать, или зайдете еще раз?

- Попросите его - может быть, он будет так любезен и сообщит, что предпринято по моему делу, - сказал тот. - Ради бога, не забудьте, мистер Лаутен.

- Нет, нет, я не забуду, - отозвался клерк. - Пожалуйте, мистер Пиквик. До свиданья, мистер Уотти. Славный день для прогулки, не правда ли?

Он предложил Сэму Уэллеру войти вслед за своим хозяином и, видя, что незнакомец все еще мешкает, захлопнул дверь у него перед носом.

- Такого назойливого банкрота не было с сотворения мира, в этом я уверен! - воскликнул Лаутен, с видом оскорбленного человека швыряя свое перо. - Не прошло и четырех лет, как его дело поступило в Канцлерский суд, но будь я проклят, если он не приходит надоедать нам два раза в неделю! Пожалуйте сюда, мистер Пиквик, - Перкер здесь; я знаю, что он вас примет. Чертовски холодно, - добавил он раздражительно, - стоять у двери и терять время на таких жалких бродяг.

Энергически помахав маленькой кочергой угли в большом камине, клерк отправился в кабинет своего принципала и доложил о мистере Пиквике.

- А, уважаемый сэр! - сказал маленький мистер Перкер, вставая с кресла. - Ну-с, уважаемый сэр, какие новости касательно вашего дела? Еще что-нибудь о наших приятелях из Фрименс-Корта? Они не дремали, мне это известно. Очень ловкие ребята, очень ловкие!

В заключение маленький джентльмен взял внушительную понюшку табаку, воздавая должное ловкости мистров Додсона и Фогга.

- Они - величайшие негодяи, - сказал мистер Пиквик.
- Да, - сказал маленький человек, - это, знаете ли, зависит от точки зрения, и мы не будем спорить о словах, ибо, разумеется, нельзя ожидать, чтобы вы судили об этих вещах с профессиональной точки зрения. Ну-с, нами сделано все, что нужно. Я пригласил королевского юрисконсульта * Снаббина.

..

- Хороший ли он человек? - осведомился мистер Пиквик.
- Хороший ли он человек! - воскликнул мистер Перкер. - Ах, боже мой! Снаббин - украшение своей профессии. Практика у него втрое больше, чем у кого бы то ни было в суде, - занят в каждом процессе. Пусть это останется между нами, но мы говорим, что королевский юрисконсульт Снаббин вертит судом как хочет.

Сделав такое сообщение, маленький человек взял вторую понюшку табаку и таинственно кивнул мистеру Пиквику.

- Они вручили моим трем друзьям повестки, - сказал мистер Пиквик.
- А! Ну конечно! - ответил мистер Перкер. - Важные свидетели: видели вас в щекотливом положении.

- Но она упала в обморок по собственному желанию, - сказал мистер Пиквик. - Она сама бросилась мне в объятия.

- Очень возможно, уважаемый сэр, - отозвался Перкер. - Очень возможно и весьма естественно! Иначе и быть не может, уважаемый сэр. Но как это

доказать?

- Они вручили повестку также моему слуге, - сказал мистер Пиквик, меняя тему, ибо вопрос мистера Перкера слегка ошеломил его.

- Сэму? - спросил Перкер.

Мистер Пиквик отвечал утвердительно.

- Разумеется, уважаемый сэр, разумеется. Я знал, что они так поступят. Я бы мог сказать это вам месяц назад. Видите ли, уважаемый сэр, если вы берете ведение дела в собственные руки, после того как доверили его своему адвокату, вы должны отвечать и за последствия.

Тут мистер Перкер выпрямился с чувством собственного достоинства и смахнул с жабо несколько крошек табаку.

- А зачем им понадобились его показания? - спросил мистер Пиквик после минутного молчания.

- Затем, что вы посылали его к истце с предложением некоторого компромисса, так я полагаю, - отозвался Перкер. - Впрочем, большого значения это не имеет: не думаю, чтобы какой-нибудь адвокат многого добился от него.

- Я тоже так думаю, - сказал мистер Пиквик, улыбаясь, несмотря на свою досаду, при мысли о Сэме в роли свидетеля. - Какой же план действия мы изберем?

- Нам остается только один план, уважаемый сэр, - ответил Перкер, подвергнуть свидетелей перекрестному допросу, довериться красноречию Снаббина, пустить пыль в глаза судье, надеяться на присяжных.

- А что, если решение будет не в мою пользу? - осведомился мистер Пиквик.

Мистер Перкер улыбнулся, взял понюшку табаку, помешал угли в камине, пожал плечами и выразительно промолчал.

- Вы хотите сказать, что в таком случае я должен платить возмещение убытков? - спросил мистер Пиквик, следивший с некоторой строгостью за этим мимическим ответом.

Перкер еще раз помешал угли, что было совершенно излишне, и ответил:

- Боюсь, что так.

- В таком случае я заявляю вам о своем непоколебимом решении не платить ничего, - весьма внушительно произнес мистер Пиквик. - Ничего, Перкер! Ни один фунт, ни один пенни из моих денег не перейдет в карманы Додсона и Фогга. Это мое непреложное и обдуманное решение!

Мистер Пиквик с силой ударил по столу, подтверждая непреложность своего намерения.

- Прекрасно, уважаемый сэр, прекрасно, - сказал Перкер. - Конечно, вам лучше знать.

- Разумеется, - поспешно отозвался мистер Пиквик. - Где живет королевский юрисконсульт Снаббин?

- Линкольнс-Инн, Олд-сквер, - ответил Перкер.

- Я бы хотел его повидать, - сказал мистер Пиквик.

- Повидать королевского юрисконсульта Снаббина, уважаемый сэр! - с крайним изумлением воскликнул Перкер. - Нет, нет, уважаемый сэр, невозможно! Повидать Снаббина! Бог с вами, уважаемый сэр, слышанное ли это дело, если предварительно не внесена плата за консультацию и не назначен час консультации! Это никак невозможно, уважаемый сэр!

Однако мистер Пиквик заявил, что это не только возможно, но и необходимо, и в результате через десять минут после того, как он выслушал заверение, что это сделать невозможно, поверенный ввел его в контору великого Снаббина.

Это была довольно просторная комната без ковра, с большим письменным столом, придвинутым к камину. Сукно, покрывавшее стол, давно отказалось от всяких претензий на свой первоначальный зеленый цвет и постепенно посерело от пыли и времени, за исключением тех мест, где все следы его натурального цвета были уничтожены чернильными пятнами. На столе лежали многочисленные пачки бумаг, перевязанные красной тесьмой, а за столом сидел пожилой клерк, чей прилизанный вид и массивная золотая цепочка от часов служили внушительным показателем большой и прибыльной практики королевского юрисконсульта Снаббина.

- Королевский юрисконсульт у себя в кабинете, мистер Моллерд? - осведомился Перкер, с величайшей учтивостью предлагая свою табакерку.

- Да, он у себя, но очень занят, - последовал ответ. - Посмотрите-ка сюда: еще не дано ни одного заключения по всем этим делам, а гонорар за каждое уплачен.

При этом клерк улыбнулся и втянул понюшку табаку с увлечением, которое, казалось, вызвано было как любовью к табаку, так и пристрастием к гонорарам.

- Вот это называется практикой! - сказал Перкер.

- Да, - отозвался адвокатский клерк, доставая собственную табакерку и предлагая ее с величайшей любезностью. - А лучше всего то, что никто на свете, кроме меня, не разбирает почерка королевского юрисконсульта, и, следовательно, все должны ждать заключения, которое он уже дал, до тех пор, пока я не перепису. Ха-ха-ха!

- И от этого выигрывает... Мы знаем, кто выигрывает, кроме королевского юрисконсульта... И таким способом вытягивает из клиентов еще кое-что, а? добавил Перкер. - Ха-ха-ха!

Тут клерк королевского юрисконсульта засмеялся снова - не громким, раскатистым смехом, а тихим, внутренним смешком, который неприятно было слышать мистру Пиквику. Когда у человека бывает внутреннее кровоизлияние, это опасно для него самого, но когда он смеется внутренним смешком, это не предвещает добра другим.

- Вы не составили для меня счетика гонораров, которые я вам должен? спросил Перкер.

- Нет, не составил, - ответил клерк.

- Я бы вас попросил составить, - сказал Перкер. Дайте мне его, и я вам пришлю чек. Но вы, должно быть, слишком заняты получением наличных денег, чтобы думать о должниках. Ха-ха-ха!

Эта шутка, казалось, польстила клерку, и он еще раз засмеялся тихим смешком.

- Но, мистер Моллерд, уважаемый друг, - сказал Перкер, вдруг обретая всю свою серьезность и увлекая великого клерка великого королевского юрисконсульта за отворот сюртука в угол, - вы должны уговорить королевского юрисконсульта принять меня и моего клиента.

- Что вы, что вы! - воскликнул клерк. - Вот это недурно! Увидеть королевского юрисконсульта! Нет, это слишком нелепо!

Впрочем, несмотря на нелепость предложения, клерк позволил увлечь себя потихоньку в сторону от мистера Пиквика и после краткой беседы шепотом вышел неслышными шагами в темный коридорчик и скрылся в святых местах юридического светила, откуда вскоре вернулся на цыпочках и уведомил мистера Перкера и мистера Пиквика, что ему удалось уговорить королевского юрисконсульта, вопреки всем установленным правилам и обычаям, принять их немедленно.

Королевский юрисконсульт Снаббин был человек со впадинами щеками и желтоватым цветом лица, лет сорока пяти, или, как говорится в романах, ему могло быть и пятьдесят. У него были те тусклые, осовевшие глаза, какие часто можно увидеть на лицах людей, предающихся в течение многих лет утомительным и тягостным кабинетным занятиям, и какие могли и без добавления лорнета, висевшего на широкой черной ленте, обвивавшей шею, предупредить посетителя о том, что он очень близорук. Волосы у него были тонкие и редкие, что отчасти объяснялось постоянным отсутствием досуга для ухода за ними, а отчасти ношением в течение двадцати пяти лет адвокатского парика, который в настоящее время висел перед ним на подставке. Следы пудры на воротнике

фрака, плохо выстиранный и еще хуже повязанный галстук свидетельствовали о том, что у него не было времени, вернувшись из суда, произвести какие-нибудь изменения в своем туалете. Впрочем, неопрятный вид остальных принадлежностей его костюма наводил на мысль, что внешность его не улучшилась бы в значительной степени, если бы у него и было свободное время. Юридические книги, кипы бумаг и распечатанные письма валялись на столе в полном беспорядке; мебель в комнате была старая и расшатанная; дверцы книжного шкафа подгнили на петлях; при каждом шаге пыль взлетала маленькими облачками над ковром; шторы пожелтели от времени и грязи; вид всех предметов в комнате доказывал с несомненной ясностью, что королевский юрисконсульт Снаббин слишком занят своими профессиональными делами, чтобы обращать внимание на личные удобства или заботиться о них.

Королевский юрисконсульт писал, когда вошли его клиенты. Он рассеянно поклонился мистеру Пиквику, представленному поверенным, а затем, предложив им сесть, заботливо опустил ручку в чернильницу, покачал левой ногой и приготовился слушать.

- Мистер Пиквик - ответчик по делу Бардл и Пиквик, королевский юрисконсульт Снаббин, - сказал Перкер.

- Я выступаю по этому делу? - спросил королевский юрисконсульт.

- Да, сэр, - ответил Перкер.

Королевский юрисконсульт кивнул и ждал продолжения.

- Мистер Пиквик горячо желал повидаться с вами, королевский юрисконсульт Снаббин, - продолжал Перкер, - чтобы заявить, раньше чем вы займетесь этим процессом, что он отрицает наличие каких бы то ни было данных или основания для возбуждения иска против него; и если бы он не мог явиться в суд с чистой совестью и с полнейшей уверенностью в том, что он прав, отвергая требования истицы, он бы вовсе туда не явился. Мне кажется, я правильно излагаю ваши взгляды, не так ли, уважаемый сэр? - добавил маленький человек, обращаясь к мистеру Пиквику.

- Вполне, - отвечал сей джентльмен.

Королевский юрисконсульт Снаббин раскрыл лорнет, поднес его к глазам и, поглядев в течение нескольких секунд с любопытством на мистера Пиквика, повернулся к мистеру Перкеру и сказал, слегка улыбаясь при этом:

- У мистера Пиквика хорошие шансы?

Поверенный пожал плечами.

- Намерены ли вы вызвать свидетелей?

- Нет.

Улыбка на лице королевского юрисконсульта обрисовалась ясней. Он с удвоенной силой качнул ногою и, откинувшись на спинку кресла, с сомнением кашлянул.

Эти признаки дурных предчувствий королевского юрисконсульта, как ни были они мимолетны, не ускользнули от мистера Пиквика. Он крепче утвердил паносу очки, сквозь которые внимательно наблюдал те проявления чувств адвоката, которые тот позволил себе обнаружить, и сказал с большой энергией и решительно пренебрегая предостерегающим подмигиванием и нахмуренными бровями мистера Перкера:

- Желание нанести вам визит с такою целью, как у меня, сэр, несомненно, покажется весьма необычным джентльмену, перед глазами которого проходит столько дел подобного рода.

Королевский юрисконсульт старался серьезно глядеть на огонь в камине, но улыбка снова появилась на его устах.

- Джентльмены вашей профессии, сэр, - продолжал мистер Пиквик, - видят наихудшую сторону человеческой природы. Все споры, все недоброжелательство, вся злоба обнаруживаются перед вами. Вы знаете по опыту, изучив присяжных (я отнюдь не осуждаю ни вас, ни их), сколь многое зависит от "эффекта", и вы склонны приписывать другим желание воспользоваться в целях обмана, а также в целях эгоистических теми самыми средствами, характер и целесообразность коих так хорошо вам известны, ибо вы сами постоянно ими пользуетесь с совершенно честными и почтенными намерениями и с похвальным желанием сделать все возможное для своего клиента. Право же, я думаю, именно этому обстоятельству следует приписать вульгарное, но весьма распространенное мнение, что люди вашей профессии подозрительны, недоверчивы и чересчур осторожны. Хотя я и сознаю, сэр, сколь невыгодно заявлять это при данных обстоятельствах, я явился сюда, ибо хочу, чтобы вы отчетливо поняли, что, как сказал мой друг мистер Перкер, я не повинен в той лжи, в какой меня обвиняют, и, хотя я прекрасно сознаю неограниченное значение вашей помощи, сэр, я должен добавить, что, если вы мне не верите, я готов скорее лишиться себя вашей высокоталантливой помощи, чем воспользоваться ею.

Задолго до окончания этой речи, весьма прозаической для мистера Пиквика, - мы вынуждены это отметить, - королевский юрисконсульт снова впал в рассеянность. Впрочем, спустя несколько минут, вновь взявшись за перо, он как будто вспомнил о присутствии своих клиентов. Оторвавшись от бумаг, он сказал довольно раздражительно:

- Кто со мной в этом деле?

- Мистер Фанки, королевский юрисконсульт Снаббин, - ответил поверенный.

- Фанки, Фанки... - повторил королевский юрисконсульт. - Никогда не слышал этой фамилии. Должно быть, очень молодой человек.

- Да, он очень молод, - отозвался поверенный. - Он допущен совсем недавно. Позвольте припомнить... он не состоит при суде и восьми дет.

- А, я так и думал! - сказал королевский юрисконсульт тем сострадательным тоном, каким простые смертные говорят о беспомощном младенце. - Мистер Моллерд, пошлите за мистером... мистером...

- Фанки, Холборн-Корт, Грейз-Инн - вмешался Перкер (кстати, Холборн-Корт переименован теперь в Саут-сквер). - Скажите, я буду рад, если он зайдет сюда.

Мистер Моллерд отправился исполнять поручение, а королевский юрисконсульт Снаббин снова впал в рассеянность, продолжавшуюся до появления мистера Фанки.

Этот младенец-адвокат был вполне зрелым человеком. Он отличался большой нервозностью и мучительно запинался, когда говорил. По-видимому, это не был природный дефект, а скорее результат застенчивости, возникшей от сознания того, что его "затирают" вследствие отсутствия у него средств, или влияний, или связей, или наглости. Он был преисполнен благоговения к королевскому юрисконсульту и изысканно любезен.

- Я не имел удовольствия видеть вас раньше, мистер Фанки, - сказал королевский юрисконсульт Снаббин с высокомерной снисходительностью.

Мистер Фанки поклонился. Он имел удовольствие видеть королевского юрисконсульта; и он, бедняк, завидовал ему на протяжении восьми лет и трех месяцев.

- Вы выступаете со мной в этом деле, насколько я понимаю? - сказал королевский юрисконсульт.

Будь мистер Фанки человеком богатым, он немедленно послал бы за своим клерком, чтобы тот ему напомнил; будь он человеком ловким, он приложил бы указательный палец ко лбу и постарался вспомнить, имеется ли среди множества взятых им на себя обязательств также и это дело; но, не будучи ни богатым, ни ловким (в этом смысле, во всяком случае), он покраснел и поклонился.

- Вы познакомились с документами, мистер Фанки? - осведомился королевский юрисконсульт.

Опять-таки мистеру Фанки следовало притвориться, будто он забыл обо всем, что касается этого дела, но так как он читал те бумаги, какие доставлялись ему по мере развития процесса, и только об этом и думал во сне и наяву в течение двух месяцев с той поры, когда его наняли помощником

мистера королевского юрисконсульта Снаббина, что он покраснел еще гуще и поклонился снова.

- Вот это мистер Пиквик, - сказал королевский юрисконсульт, помахивая пером в ту сторону, где стоял сей джентльмен.

Мистер Фанки поклонился мистери Пиквику с почтением, которое всегда внушает первый клиент, и снова обратил лицо к своему руководителю.

- Быть может, вы проводите мистера Пиквика, - сказал королевский юрисконсульт, - и... и... и... выслушаете все, что мистер Пиквик пожелает сообщить. Мы, конечно, устроим совещание.

Намекнув таким образом на то, что у него отняли достаточно времени, мистер королевский юрисконсульт Снаббин, который постепенно делался все более и более рассеянным, приложил на секунду лорнет к глазам, слегка поклонился и снова погрузился в лежавшее перед ним дело, которое выросло из нескончаемого судебного процесса, порожденного поступком некоего субъекта, скончавшегося лет сто назад и в свое время загородившего тропинку, ведущую из какого-то места, откуда никто никогда не выходил, к какому-то месту, куда никто никогда не входил.

Мистер Фанки не соглашался пройти ни в одну дверь раньше мистера Пиквика и его поверенного, так что потребовалось немало времени, прежде чем они попали на Олд-сквер. Придя туда, они стали шагать взад и вперед и устроили длительное совещание, в результате которого выяснилось, что весьма трудно сказать, каково будет решение; что никто не может предугадать исход дела; что было большой удачей предупредить противную сторону и заручиться участием королевского юрисконсульта Снаббина, - словом, ряд заключений утешительных и выражающих сомнения, обычных при таком положении дел.

Затем мистер Уэллер был пробужден хозяином от сладкого сна, в который он погрузился на целый час, и, распрощавшись с Лаутеном, они вернулись в Сити.

ГЛАВА XXXII

описывает гораздо подробнее, чем судебный репортер, холостую вечеринку, устроенную мистером Бобом Сойером в его квартире в Боро

Покой витает над Лент-стрит, в Боро, окутывая нежной меланхолией душу. На этой улице всегда сдаются внаем много домов. Это пустынная улица, и ее скука успокоительна. Дом на Лент-стрит нельзя почитать первоклассной резиденцией в точном смысле этого слова, но тем не менее это завидное местечко. Если человеку захотелось извлечь себя из мира, уйти за пределы искушения, поставить себя вне всякого соблазна выглянуть из окна, он должен во что бы то ни стало отправиться на Лент-стрит.

Это счастливое убежище заселяют несколько прачек, кучка поденных переплетчиков, два-три тюремных агента при Суде по делам о несостоятельности, мелкие квартирохозяева, служащие в доках, горсточка портних с приправою портных, работающих сдельно. Большинство обитателей либо направляет свою энергию на сдачу меблированных комнат, либо посвящает свои силы здоровому и полезному занятию - катанью белья. Характерные черты мертвой природы на этой улице: зеленые ставни, билетки о сдаче комнат, медные дощечки на дверях и ручки колокольчиков; главные образчики одушевленной природы: мальчишка из портерной, юноша, торгующий пытками, и мужчина, продающий печеный картофель. Население здесь кочевое, обычно исчезающее накануне взноса квартирной платы за квартал, и притом всегда в ночные часы. Доходы его величества редко пополняются в этой счастливой доли; арендная плата ненадежна, и водопровод часто бывает закрыт.

В тот вечер, на который был приглашен мистер Пиквик, мистер Боб Сойер украшал своей особой один угол у камина в комнате второго этажа, выходящей окнами на улицу, а мистер Бен Эллен - другой. Приготовление к приему гостей, видимо, закончилось. Зонты в коридоре были свалены в угол за дверь задней комнаты, шляпа и платок служанки убраны с перил лестницы, не больше двух пар патен * оставалось на циновке у парадной двери, и кухонная свеча с очень длинным нагаром весело горела на подоконнике лестничного окна. Мистер Боб Сойер самолично купил спиртные напитки в винном погребе на Хай-стрит и вернулся домой, шествуя впереди того, кто их нес, дабы их не доставили по ошибке в другое место. Пунш был приготовлен в красной кастрюле и стоял в спальне; столик, покрытый зеленой байкой, был взят на время из гостиной и приготовлен для игры в карты; стаканы, имевшиеся в квартире, и стаканы, позаимствованные ради такого случая в трактире, выстроились на подносе, поставленном на площадке за дверь.

Несмотря на весьма удовлетворительный характер всех этих приготовлений, темное облако омрачало физиономию мистера Боба Сойера, сидевшего у камина. Лицо мистера Вена Эллена, пристально смотревшего на угли, выражало сожаление, и в его голосе звучали меланхолические ноты, когда он после долгого молчания произнес:

- Да, действительно, какая неудача, что ей взбрело в голову скиснуть как раз в такой день! Могла бы подождать по крайней мере до завтра.

- Это ее зловредная натура, зловредная натура! - с жаром отозвался мистер Боб Сойер. - Она говорит, что если у меня есть деньги на вечеринку, значит они должны у меня быть и на уплату по ее проклятому "счетику".

- А много там набежалось? - осведомился мистер Бен Эллен.

Кстати сказать, счет - самый необыкновенный локомотив, какой был изобретен человеческим гением. Он не переставая бежит в течение самой долгой человеческой жизни, никогда не останавливаясь по собственному почину.

- Месяца четыре всего-навсего, - ответил мистер Боб Сойер.

Бен Эллен безнадежно закашлялся и устремил испытующий взгляд на верхние прутья камина.

- Будет чертовски неприятно, если ей взбрдет в голову расшуметься, когда все соберутся, не правда ли? - сказал, наконец, мистер Бен Эллен.

- Ужасно, - отозвался Боб Сойер, - ужасно!

Послышался тихий стук в дверь. Мистер Боб Сойер выразительно посмотрел на друга и попросил стучавшего войти; вслед за тем грязная, неряшливо одетая девушка в черных бумажных чулках, которую можно было принять за нелюбимую дочь престарелого мусорщика, находящегося в бедственном положении, просунула голову в дверь и сказала:

- С вашего позволения, мистер Сойер, миссис Редль хочет поговорить с вами.

Не успел Боб Сойер дать какой-нибудь ответ, как девушка вдруг исчезла, словно кто-то сильно дернул ее сзади. Едва совершилось это таинственное исчезновение, как раздалась снова стук в дверь - резкий, отчетливый стук, казалось, говоривший: "Я здесь, и я войду".

Мистер Боб Сойер бросил на своего друга взгляд, выражавший смертельный страх, и крикнул:

- Войдите!

В разрешении не было никакой необходимости, ибо, раньше чем мистер Боб Сойер произнес это слово, в комнату ворвалась маленькая свирепая женщина, дрожащая от негодования и бледная от бешенства.

- Ну-с, мистер Сойер, - сказала маленькая свирепая женщина, стараясь казаться очень спокойной, - если вы будете так добры и уплатите мне по этому счетику, я буду вам благодарна, потому что я должна платить сегодня за